

БИЛИ УЧИТЕЛЬНИЦУ...

Александр Александрович Мурашов,
профессор Гродненского университета
Республики Беларусь, доктор педагогических наук

- «патриотизм по-новому» • «успешность» и нравственность
- язык как разрушение жизни • современные молодые • одичание общества

В Интернете — призыв: «Создай свою банду и стань самым успешным бандитом!». Рядом: «Сражайся, грабь, побеждай!». И подобные, среди которых мелькает в информационном блоке прерзительно-ироничный анонс фильма: «Алексей Чадов стал ботаном». Достаточно полно и красноречиво — о том, что поощряется, к чему должен человек из всех сил стремиться, и о том, от чего надо шарахаться, как чёрт от ладана. «Ботанеть» — заведомо непрестижное и социально отвергаемое. Быть бандитом и грабить — вот это интересно, почётно и... просто круто! Блин...

Били учительницу...

Учиться в школе — это и значит, выражаясь языком современных кукловодов, «ботанеть». Здесь — отношение к школе и к учительнице. Но не только — это отношение ко всем нам, пытающимся закрыть дорогу тем, кто превращает Россию в «зону». Безмыслия, безверия, и просто в зону, внушающую

ребятам, что быть бандитом, грабить — единственно достойный способ жизни. Если бы подобное появились «за бугром», призывающих «стать бандитом» сочли бы повредившимися рассудком.

И вот новостные каналы в конце марта сообщили об учениках из Иркутской области, которые несколько недель... избивали учительницу физкультуры, причём делали это открыто, делясь видеосъёмками «подвигов» со всей интернет-аудиторией. «Школа № 1 целых три месяца обсуждала жуткие съёмки. Ролик переходил от ученика к ученику, его перекачивали с одного мобильного телефона на другой, а затем снималось новое видео. Сколько раз таким зверским издевательствам подвергалась учительница, сейчас сказать никто не может. Даже она сама: Валентина Леонидова страдает частичной амнезией, у неё склероз. Она утром как ни в чём не бывало вставала и шла на уроки. Чаще всего эти чудовищные издевательства происходили в субботу, когда на занятие, как правило, являлся не весь класс, а лишь несколько парней. Они и развлекались подобным образом». (Сегодня.Ру, 26 марта 2010, И. Антонова.) Отмазка тинейджеров проста, как пять копеек: учительница — старенькая,

с памятью плохо, а они просто развлекались. Интернет-форумы раскались от негодования: «отморозки!», «уроды!». Было даже — «классическая педофилия» (если всякая филия — это чувственная любовь, то кто кого там любил так страстно: та, которую использовали вместо мяча, или же 15-летние «Пеле»?). Была и «геронтофилия» (значит, «любили» всё-таки благодарные потомки, решив загасить, откоцать и по-свойски отриховать наставницу!). Можно сказать, что это приговор родителям: в «гасилове» участвовали четверо парней, их родителям и отвечать: те уже начали это делать по своей логике, подав в суд... на избитую их отпрысками учительницу. А это — приговор гораздо более страшный: всему порядку вещей, всей пропаганде «патриотизма по-новому», настоящему на ароматах за океанских вилл и сивушном перегаре обездоленных, на оксфордских экзерцициях для одних и «грабь!» для других. И то, и другое неминуемо должны были отрикошетить — в куршевельских скандалах, после которых у западных туристических агентств родилась услуга «отдых без русских», или в «мочилловках», в равной мере характеризующих всех нас.

Били учительницу...

Подростки, делавшие это длительное время (она страдала склерозом и забывала случившееся), снимали «подвиги» на камеру мобильного и выложили «видеоотчёт» в Интернете — *вот и приговор общественному строю*. Когда преступник, понимая, что он преступник, идёт «на дело», ему в голову не пришло бы снимать, как он вонзает нож в зазевавшуюся жертву, как возится с отмычками, пытается вломиться в чей-то дом, как трясущимися от возбуждения руками хватает охапки денег, спрятанных хозяевами. *Он понимает: он преступник*, и улики ни к чему. Дети, наоборот, снимали всё в подробностях. И показывали всем в качестве пособия для балдежа, снабдив кадры музыкальным фоном. Просто *они были уверены, что так — надо*. Что это не запредельная мерзость, а способ вполне естественного «развлечения» (их собственное слово). И это уже не еле уловимые шаги «татей в ночи», это — *поколение спокойно и уверенно демонстрирует те ценности и приоритеты, к которым его приучили взрослые*, то играющие в демократическую чехарду, то заявляющие, наморщив нос, что «мочить в сортире» — дело,

вполне достойное здравомыслящего человека. То же — создать свою банду. Или грабить. Лишь бы не «ботанели»: ещё поумнеют и разберутся, что к чему...

Били учительницу... И видели себя героями, достойными если не фильма, то видеоролика.

А забив на школу, видели бы себя, согласно полученным инструкциям, «самыми успешными бандитами», что куда круче, чем перспектива очкастых ботанов!

Было бы странно, если бы этого не произошло в стране, прожившей два десятка лет самой отчаянной, не на жизнь, а на смерть, борьбы с образованием, когда по размётанным страницам прежних учебников сначала прыгала разношёрстная рать гопников, а потом прошеествовали зловедущим маршем воспитанные «по-новому» подростки, деяния которых и не снились самым отчаянным головам из «Гитлерюгенда»!

Было бы удивительно, если бы подростки, воспитанные на призывах «стать успешным бандитом», принялись «ботанеть», в духе героя того самого Алексея Чадова, и смотреть на школу не с брезгливым омерзением, как на неизбежность, отрывающую от настоящих, достойных молодого человека дел. Было бы непонятно, если бы там, где фигуриста после победы спрашивают, часто ли он... дрался, а он, виновато пряча глаза, отвечает, что нет, не часто, где пиарщики из СМИ оставили человеку только возможность «подраться и надраться», — если бы там дети оставались детьми, а учителя — учителями.

Били учительницу...

«Вот она», демократическая Россия!» — резюмирует один из участников интернет-форума. И кто сможет возразить, даже если бы очень-очень хотел списать всё на неприязнь четырёх малолетних школяров к одной престарелой учительнице? Списать можно бы, не вывеси они в Интернете

кадры своего «геройства» в полной уверенности, что только так и должно быть! Можно бы, начни они потом, захлёбываясь от возмущения, показывать свои раны и ссадины, полученные на её уроках. Нет, они просто «развлекались», о чём говорят сами. Такими их воспитали, такими сформировали в стране, где «быть бандитом» означает быть успешным, а «ботанеть», то есть учиться в школе, — прямая дорога к общественному ostrакизму и безысходной нищете. И если об этом в очередной раз промолчать, трусливо затягивая филиппики в адрес родителей и администрации школы, — очень скоро поймём: случай в Иркутской области — не конец. А начало — результат этого нашего общего безмолвия и размахивания кулаками после драки.

Кто ненавидит войну, —

Тот в плену! — голосом, не допускающим вариантов, натужно басит плеер. А радио «Шансон», выжимая слезу у подвыпивших представителей камуфлированной «элиты», всхлипывает про солдата, застрелившего похотливого майора:

*А молодой солдат на зоне,
Да на родимой стороне...*

Вот так, ни больше и ни меньше: на зоне — значит, «на родимой стороне». Дома. Закономерное сближение: каждый должен проследовать по пути, по которому прошёл хозяин — от «комка» и примитивного рэкета до серьёзного кресла и нехилых «откатов», после которых можно, потирая руки, как после удачной сделки, поверить в неизбежность пройденного пути, неизбежность своего кресла и неповторимость изрядно потяжелевшей натуре...

На полке в магазине виднеется книга в глянцево переплёте: «Как в сексе оказаться на уровне порнозвёзды». А вот из метро выходит подросток и суёт тяжеленный пакет девочке, своей спутнице: «Ты баба, и неси, а мужики сумок не таскают». И вот уже «правильные пацанки», чтобы не быть «в плену» и достичь уровня «мужиков», ко-

рещат электрички, а «настоящие», нахлеставшись «пива с мужским характером», мочат по пьяни «не-своего» — ну, не из корешей он, и всё! — ни «Спартак — чемпион!» проорать не может, ни просто «Хайль!». Вечером по телевизору известный телеведущий откровенничает на всю страну о том, что у них в армии «деды хорошими были, сильно не били, только если заслужил, то получай!».

Станция метро — уже внизу. Толпа испитых и безнаказанных хулиганов, сметая тех, кто не успел отбежать в паническом ужасе перед их шествием, орёт, размахивая трёхцветным полотнищем: «Россия, вперёд!». Кто-то из отбежавших к стене, восторженно выдыхает:

— *Патриоты! Вот такие нужны!*
— *Кому нужны? — интересно.*

Вопрос, естественно, без ответа: не знает он тех, кому. Так без ответа остаётся и вопрос, почему «патриотами» здесь гордо именуют тех, кого в остальном мире считают просто пьяным сбродом, и почему испитость, немытость и небритость превращаются в «мужской характер», стоит махнуть тем самым полотнищем, особенно не задумываясь об отвращении, которое вызывает оно в этих руках, и не только у иностранцев.

Интернет приносит бесстрастные сообщения... «31 октября 2009 года погромами и массовой дракой завершился футбольный матч на Центральном стадионе Казани, где встречались местный «Рубин» и самарские «Крылья Советов». Проигрыш со счётом 4:1 расстроил самарских болельщиков, и они начали крушить трибуну».

27 марта 2010 года «в первом вагоне электрички сообщением Москва — Тверь произошёл конфликт между двумя группами молодых людей, предположительно болельщиками «Зенита» и местными хулиганами, который перерос в массовую драку», — сообщила ИТАР-ТАСС руководитель пресс-службы Московского УВД

на железнодорожном транспорте МВД России Татьяна Агапова. По её словам, молодые люди практически полностью разгромили вагон, в общей сложности дрались около 50 человек».

«Кажется, мы стесняемся называть вещи своими именами: наши стадионы оккупируют хамоватые недоросли, а семейные болельщики вынуждены покупать спутниковые тарелки и смотреть футбол дома. В ходе матча в Химках на трибунах появлялись омерзительные баннеры, резали слух матерные кричалки, на поле летели петарды. Увы, уже привычная картина...» (29.03.2010. Советский спорт)

Интересно, что и «болельщики», устраивающие погромы и разборки, считают себя болельщиками — без кавычек, серьёзно уверенные, в том, что в спорте они — главные фигуры. Как и своё «развлечение» шелеховские тинейджеры тоже считали банальным развлечением — без кавычек.

Били учительницу?..

Мы шли к этому. То, чем гордились подростки в Шелехове, помещая в Интернете кадры, где они избивают пожилую учительницу, возникло не сразу и не вдруг, а в результате целенаправленной пропаганды, жертвы которой, уверенные в своём героизме, как и те бухие фанаты, не подозревают, что они — жертвы.

Спрашиваю студента:

— *А вы не можете не материться, скажем, на протяжении одной фразы?*

— *Конечно! Я же на зачёте не ругаюсь! — серьёзно отвечает он.*

— *А со своими?*

— *Это с друзьями? Они же засмеют! Я что, голубой?*

Многое этим сказано... «Баня, водка, гармонь и лосось». И футбол — для разнообразия. А в плеере — ещё один нынешний шедевр — «музыка для мужика». Между прочим, когда молодые люди уверены, что русский язык, не одобренный матюгами, и русская тусовка, не разбавленная водярой, — «для голубых», — с этим ещё можно побороться, даже без танков, которые «грязи не боятся», и без разрисованной а-ля камуфляж физиономии. Можно бороться

даже за тех учеников из Шелехова, которые волочат по полу престарелую учительницу: всё-таки есть надежда...

Но когда они, сняв «гасилово» на камеру, демонстрируют это всем как торжество жизненных ценностей, усвоенных ими, — всякая борьба, похоже, уже бессмысленна. Ребятам просто вбивалось в голову, что это — достойно, что это — заведённый и естественный порядок вещей.

Им вбивало эту идею радио, знакомым хриловатым голосом тянувшее: «Опять я сижу на нарах, в грязных, вонючих шкарах».

Вбивал Интернет, призывающий «создать свою банду».

Вбивал тот самый киоск у вокзала, что когда-то продавал «пИрожЕное», как там было написано, а потом, облимонившись, сменил фанерную вывеску на роскошное: «МороженНое». И эфир, где нет голоса Левитана или торжественного изящества Леонтьевой: в «прямом эфире» ведущие натужным ржанием над чем-то неизвестным пытаются задержать слушателя, а он, услышав знакомые позывные, бежит отмывать руки, предвкушая очередные «вонючие шкары». Кстати, недавно над улицей болталась растяжка, призывавшая покупать «нежЕлые помещения», — как раз тогда, когда знакомый предприниматель, отправившись к градоначальнику, услышал: «Тебе вход в мой кабинет стоит сто тысяч зелёных». И зачем ботанеть, если отсидел своё в тех самых «шкарах» — и гребь бабло лопатой?

Когда, отсидев на «нарах», в России пришли к власти новые «собственники» и «хозяева», через несколько лет молодое поколение не могло представить себе, как это — обходиться без разборок, матерщины и разводов. Зачем тратить время на что-то, кроме тусовок и «зарабатывания денег» для тех же хозяев, волю и накачанную за годы отсидки musculaturу которых приняли как единственный закон и верную цель? При их

власти востребовано воспитание тюремных рабов, до блеска вылизывающих тарелки своих хозяев и стоящих в очереди за правом выносить их теперь уже позолоченные параша...

Били учительницу?

А разве никто не предупреждал, что так будет?

Снимали это на мобильник?

А чего ещё можно ожидать там, где личности и обществу навязаны ценности уголовного строя, бандитского братства, воровского отмывания бабла?

Два десятка лет назад захватившая власть мелкоуголовная шпана о другом и не задумывалась. Начиная натаскивание тинейджеров, рядом с которыми «Гитлерюгенд» отдыхает, на традиционные ценности, на то, что сделало человека человеком, будущие «хозяева жизни» заботились о незыблемости установленного ими порядка на захваченной территории. И вот уже книги и музыка заменены порнографическими комиксами, ржавым грохотом «стрелялок», а вторжение мата и тюремного сленга в повседневную речь стало считаться нормой. Те, кто недоучился или по иронии судьбы, не сидел, осваивают матюги по словарям, старательно, с заботливостью неопитов вставляя их в речь и боясь прослыть «не-своим». Идеалами молодых людей с оскаленными волчьими, тигринными и рысьими мордами на футболках и знаками сатаны на рюкзаках (они уверены, что чернота и зло — это «круть»!) окончательно стали бандюганы, воспеваемые всеми средствами массовой информации, и спившиеся фанаты, способные дружным ревом «Россия, вперёд!» обнаружить сразу весь объём своего интеллекта. Те, кого вербуют в «патриоты», просто не умеют иного: сложившийся порядок вещей для них естественный и единственно правильный, остальное — «отстой».

Били учительницу?

Подписали приговор себе и родителям.

Решили, что это и есть норма, которую нужно демонстрировать?

Это уже приговор обществу.

Тому, которое десятки лет назад пыталось забыть, «отрываясь» под хриплый рев прилатнённых песен. Тому, которое решило формировать «защитников», не умеющих писать и не понимающих, зачем это нужно, — безмысленнее и беспощаднее ордынцев и полицаев. Тому, которому в школьные годы дали понять, что выживает — сильнейший, что путь надо пробивать локтями, кулаками и монтировками, что людей вообще слишком много. Их слишком много.

«Нас не догонишь»!

Собака бывает кусачей только от жизни собачьей!

Вот их сначала и не кормили досыта, чтобы громче лаяли, накачивали пивом и свухой, чтобы залить всякую мысль и утопить всякое несогласие. Не учили только одного: ответ будет таким же яростным, как «наука». Их сделали другими людьми, которых не всегда можно понять. Вот один, встречая при поступлении на работу вопрос: «Что вы будете делать, если хозяин плюнет вам в лицо?» — начинает соображать, как ответить, чтобы... всё-таки оказаться на этой работе! А другой, воспитанный абсолютно так же, волочит учительницу по полу, вполне готовый примерить нимб победителя: ему просто не сказали, что его ждёт слава дикаря, и просто не дали понять, что это — позор, а не геройство.

Били учительницу?

И это — норма, которую надо запечатлеть и показывать всем, чтобы учились?

А может, замять, забыть и не париться? Бывает... В конечном счёте, урод в семье всегда отыщется, а сор выносить из избы — последнее дело. Россия — страна свободных людей, не скованных идеологическими доктринами и не вздрагивающих при мысли о неизбежности ядерного взры-

ва. У нас сейчас не продают джинсы только за чудом добытую валюту, солнцезащитные очки — только фарцовщики в туалете, а презервативы — только «для ветеранов». У нас есть возможность участвовать в диалоге с президентом, для коего штат журналистов не сочиняет тирады про Малую землю, которая, ещё не появившись из типографии, уже была объявлена классикой. В России не ждут с ночным визитом чекистов и не слушают под одеялом западные голоса... Да и сам человек стал раскованнее, смелее, увереннее.

Разумеется, стал. И смелее, и увереннее. Только нынешнее молодое поколение, готовое натужно, попадая «в тон», хихикать при словах «русский балет», презрительно цедить что-то, услышав про Мусоргского или Репина, для которого быть бандитом — путь к успеху, а оказаться художником или учёным — тропа на задворки, — способно прославить себя лишь тем, что — били учительницу... А между тем название, скажем, Италии тут же воскресает в памяти имена Данте, Леонардо, Бернини. Символы Франции в разные эпохи — Бальзак и Мериме, Эйфель и Мирей Матье. Да и Россию мир будет узнавать (впрочем, сегодня актуален вопрос: будет ли?) по Брюллову, Пушкину и Рахманинову, а не по пивным рекламным молодцам, заваренным в латы для водонепроницаемости, и не по «пацанкам» из клипов, воспевающих убийство и насилие как апофеоз человеческой цивилизации. Будут узнавать по Родниной и Алфёрову, а не по героям сериала «Школа», подготовившего не одно Шелехово и остающегося позором, а не достижением кинематографа в стране Тарковского, Герасимова, Бондарчука, Калатозова, Рязанова.

Планета людей прошла долгий и непростой путь от кусков сырого мяса в пещере до «Джоконды», от первобытного тотемизма до концертных залов и компьютеров. Человек с течением времени становился интеллигентнее, то есть больше работал головой. Но становился, увы, и слабее физически — по этому показателю первобытные предки едва ли не превосходили нынешних тяжелоатлетов. И сегодняшняя Россия, где подростки воспринимают агрессивный рев и порнуху как единственно достойное человека, — всё ближе к званию «рабочей окраины» мирового сообщества, делающего всё, чтобы от этой самой агрессивности и животной похотливости, на-

поминающей о давно покинутой человеком пещере, избавиться. Только это избавление позволяет создавать сверхвысокие небоскрёбы, мчаться на сверхскоростных поездах и работать на сверхточной технике.

Культ агрессивности — беда современной России, долгие века вынужденной обороняться от соседей, а получается, что и от цивилизации. Но тем не менее СССР рухнул когда-то из-за чересчур сильной армии при чересчур скромных прилавках.

Броня крепка? Но она в одночасье развернулась против создателей.

И танки наши быстры? Но из них-то и палили по Белому дому, защищая таким своеобразным манером молодую демократию с лицом Ельцина, мозгами Черномырдина и совестью Грачёва. Но тогда изголодавшаяся и истощившаяся в очередях страна жаждала другой жизни, другого строя. Броня и танки уже никого ни защитить, ни привлечь не могли.

А сегодня — ситуация, когда одичание, выдаваемое за цивилизаторские усилия, стало жизненным принципом всей этой орущей, пьющей, фанатеющей и оставляющей после себя лужи (и кучи, как её кумиры) братии, серьёзно уверенной, что жить надо именно так, как живёт она. Что быть патриотом — значит орать «Россия, вперёд!» перед тем, как выбить стёкла в вагоне электрички. Что быть «настоящим» — значит каждое слово приправлять матерной добавкой и обливать настоем лагерной сивухи. Вот такие «настоящие», плоть от плоти воспитанного уголовниками общества, вышли в Шелехове на «тропу войны».

Били учительницу!

Это били по всей нашей культуре, создававшейся веками. Били прицельно. Наотмашь. Не мальчишки: много чести. И не их родители — сами слабые и безвольные люди, не имеющие сил противостоять зомбирующей вакханалии,

которая превращает людей в безразлично попискивающих самцов и самок, ждущих очереди совершить свой геройский поступок у тюремной парашаи. *Били — те, кто подготовил нынешнее массовое бегство из концертных залов, из музеев и библиотек, становящихся забегалками и игорными домами. Били — рычащие о «братстве» хозяева жизни, в сравнении с которыми щедринские генералы, не разучившиеся читать и говорить по-русски, — что-то вроде цивилизационного недуга... Били учительницу!!!*

Задумаемся, что с нами со всеми сделали. Крепко задумаемся. Если так будет и дальше, — нашей силы в конце концов хватит лишь на то, чтобы неведомо где неведомо для кого качать нефть, нашей славы — лишь на пьяное «Спартак — чемпион!», нашего мужества — только на то, чтобы с упоением любоваться, как на экране гоняют мяч и, рыча пивными парами, думать о предстоящих развлечениях в постели.

И даже если одумаемся сразу, понимая, что на нехитрый мобильник шелеховского мальчишки снимали всех нас, корчащихся в преддровых муках зомбированного восторга, — придётся долго, очень долго учиться говорить по-русски и думать по-человечески. Не гарантия, что научимся. Но мы не одумаемся никогда, если победное шествие «цивилизаторов» с пивными банками, рыкающими «стрелялками» и накачанными в тупом безмыслии бицепсами не остановить и не призвать наконец человека стать человеком, страну — страной, а не камерой, где растяг «братков».

А что это значит — стать человеком? И где он, человек? Там, где учителей уважают, а не презирают, вбивая, что надо «стать успешным бандитом», а не «ботанеть» в школе. Там, где бандиты сидят в тюрьме, а не в высоких кабинетах; где получают уроки жизни, а не учат жить. Там, где милиция защищает людей,

а не внушает им страх, куда более сильный, чем все бандиты вместе взятые, устраивая то стрельбы в магазинах, то «живые щиты» на дорогах.

Пока же в нашей стране и в нашей школе всё, как в странном зазеркалье.

Тут били учительницу. Тут осуждённый превращается в судью, кулак — в средство общения, а тот, кому не было дано ни ума, ни храбрости, ни мало-мальских знаний, воспринимается как герой, знающий всё обо всём и хрипящий уверенно: «Кто ненавидит войну — тот в плену!». Тут отринуть совесть — значит избавиться от сковывающих пут и выбиться вперёд; забыть о человеке в себе — значит выжить, а избить пожилую женщину — верный шаг к геройству. Тут хорошо говорит именно тот, у кого за матом и жаргоном давно исчезли последние промельки языка. Тут социализирует и объединяет именно то, что в остальном мире считается асоциальным и противоречащим человеку.

Когда не брать взятки — «дурной тон» среди чиновников; соблюдать законы — значит быть ущербным; не материться и не бухать — признак «голубого» или психа, — по-другому с учителями и обращаться нельзя! Когда быть бандитом — высшая доблесть, быть художником — позор, не имеющий искупления, а талант детей воспринимается матерями, как страшное проклятие, обрекающее на голодную смерть, одиночество или бегство, — «били учительницу» звучит вполне обыденно. Мы к этому шли. И вот пришли. Точка.

Впрочем, если целью воспитания признаётся «грамотный потребитель», что прозвучало из уст высокопоставленного чиновника, имеющего прямое отношение к школе, тогда учительницу будут продолжать бить... **НО**

От редакции. Тема разговора, начатого авторами публикаций о воспитании дисциплины и ответственности, не исчерпана. Она настоятельно требует продолжения. Мы очень хотели бы получить от наших коллег-читателей размышления, рекомендации, рассказы об опыте школ, которым удаётся воспитывать ответственность в детях. И которые проследили отдалённые результаты этой важнейшей педагогической, социально-экономической темы, граничащей с национальной безопасностью. Важнее этого сейчас ничего нет. Ни новой нашей школы, ни модернизации страны, ни её возрождения — ничего этого не будет, если за дело примутся разгильдяи и «пофигисты».